

ГОИГ

Газета о нашей гимназии

20 февраля 2024 года № 9 (925)

Последнее школьное лето...

Последнее школьное лето для гуманитарного класса - это встреча с Соловками, с их историей, природой и особенным духом.

Для 11 «Г» 48 параллели Соловки стали воспоминанием об одной из самых ярких гуманитарных практик.

Что же такое Соловки теперь для тех, кто совершил туда путешествие летом 2022 года?

Встреча с Белым морем и белыми ночами.

Понимание архетипа Острова как спасения, как заточения, как испытания.

Открытие, что на Соловецком острове вид монастыря сверху похож на корабль, окруженный водой.

История Соловецкого монастыря с непокорным духом, превращенного в тюрьму для подавления непокорных.

Лекции-посиделки на турбазе с Еленой Всеволодовной, Ильёй Михайловичем и выпускником 2012 года Пашей Довбней, открывшим нам песни А. Галича и А. Городницкого

Незабываемый лодочный поход по озерам и каналам, проложенным монахами еще в XVI-XIX вв.

Лодочный поход

Пеший марш-бросок на Муксалму и обратно (20 км.), под комариный писк, с преодолением болот - чтобы увидеть смелое и прочное творение монахов - дамбу, соединяющую два острова.

Камень Д. Лихачева

Непростые поиски «камня Д. Лихачёва» - и ведь нашли же!

Банька с друзьями с купанием в озере под дождём.

Эхо в длинных коридорах «заброшки» - здания тюрьмы на бывшем кирпичном заводе, которое построили заключенные.

Неземные лабиринты на Заяцком острове.

Настоящие лоси!!!

Велосипедная прогулка по острову!

Любимые друзья.

Северная мечта

-Неужели вы сумеете укараулить меня
за вашими проволоками, - думал я.
- Никогда!
В. Чернавин

*Не чтоб прогнаться под царски капризы,
Не чтобы помещику кротко служить, —
Мы рождены для монашеской ризы
И чтобы природу себе покорить.*

*И дар нам от Бога — наша свобода,
Тем, кто сумеет её заслужить,
Будет покорна любая погода,
Смогут те стены из камня растить!*

*Дар сей даётся трудом непрерывным
И за борьбу неравную, но
Свет разольётся над берегом желанным,
Станет свежей на Причастье вино.*

*Нас не удержит волнение моря,
Нас не удержат решётки и сталь,
А если стражник придёт, тюрьмы строя,
Уйдём и мы ещё несколько вдаль.*

*А ежели бесы раскинут оковы,
Чтоб жить не давать людям вольным нигде,
Мы Божью волей, на крыльях свободы
С утра в новый свет уйдём по воде...*

Даша Сотникова, 11 «Г» 48 параллель

Миф о Соловках

*А здесь такой простор, что сразу все забыть,
А здесь искрится мир в воздушной оболочке,
И мне так хорошо, как только может быть
В отдельно взятый миг, в отдельно взятой точке.*

Иваси, «Соловки»

Есть ли смысл перерабатывать в слова то, что приблизилось к периферии моего сознания три месяца назад и растворилось в его атмосфере? Всё, что можно сказать, было сказано, всё, что можно было почувствовать, - отложено в памяти. Мы называем пустотой воздух, но всё-таки он заполняет пространство, состоя из смеси различных газов. Мне нечего сказать о Соловках спустя столько времени кроме того, что они естественно встроились в моё мировосприятие - все остальные рассуждения будут пустой тратой времени. Поэтому вместо впечатлений о Соловках я всмотрюсь в то, что осталось после них - в миф о Соловках.

Если в мифе должен быть герой, то им будет чайка, Чайка по имени Джонатан Ливингстон - как воплощение идеи абсолютной свободы. Если в мифе должно быть препятствие - то это наш переход на Муксалму пешком через болота. Если должно быть своё царство Аида - это Секирная гора. Преимущество чайки как мифического героя в том, что, в отличие от людей, ей нет надобности ходить по земле, и любое препятствие кажется не таким уж и тяжёлым. Забавно, как идея абсолютной свободы в моём сознании сплавлена с её противоположностью, но любой миф полон несоответствий: современные Соловки содержат в себе «следы двух ипостасей века, двух времен» - обитель монахов и бывший концлагерь. Религия - «опиум для народа» или спасение души? В лагерях были те, кто опускался до практически животного уровня, но были и те, кто оставался человеком до конца. Можно сказать, религия - система, меняющая душу человека и не всегда к лучшему, а как её назвать - не так уж и важно.

Соловки - в первую очередь не физическая координата, а система и состояние ума, оторванное от всего остального мира, от чего-то, кроме твоего истинного Я. Главное испытание мифа о Соловках - встреча трикстера с героем и их смешение в одно целое, потому что иначе на этих и кровавых, и безумно красивых островах быть не может. Смешение в данном случае значит - гармония, идеальное соотношение кислорода и прочих газов в воздухе, но гармония никогда не длится долго - я, например, не в силах вынести и того. Достаточно только знать, что это мгновение когда-то было и уже никогда не вернётся, и оно было «так хорошо, как только может быть в отдельно взятый миг, в отдельно взятой точке».

Ася Брюсова, 11 «Г» 48 параллель

Соловки

Утомительная дорога до вокзала, почти сутки в поезде, ночевка в Кеми, двухчасовое плавание на корабле до острова, ветер, холод, первое знакомство с белыми ночами – и вот, наконец, виднеются суровые каменные стены монастыря. Сразу же при виде его ощущается все могущество

и духовность этого места. Монастырь, простоявший столько веков, валуны в основании стен и я, простой ученик гимназии, приехавший на гуманитарную практику, даже не подозревавший, с чем ему предстоит «столкнуться», а разве мог? Много ли я слышал о Соловках, много ли мог из этого понять, не прочувствовав и не пропустив все через себя?..

Экскурсия – турбаза, день окончен... НЕТ, пение под гитару – кровать, долгожданный сон? И снова НЕТ, ты лежишь в кровати не в силах уснуть, ты уже не мыслишь чётко, но и не можешь просто впасть в забытие, жадно прокручиваешь в мыслях ту информацию, что узнал сегодня, да что там информацию – ты сливаешься воедино с потоком чувств, нахлынувших от упоминаний всего того, что уже успело произойти на этой земле до приезда тебя, маленького человека в масштабах большой истории: что было во времена поморов, живших долгие века на берегу Белого моря, первых монахов, заселивших обитель, а также во время советского трудового концлагеря. И чем дольше ты погружаешься в это, тем больше теряешь себя, начинаешь проживать чью-то жизнь, представляя себя в те времена и уже не в силах остановиться...

Невыспавшийся и раздраженно озадаченный приветствуешь одноклассников за завтраком, представляя события грядущего дня.

Тыль - деревенские дома - «буханка» - экскурсбюро - наконец, пришли! Тучи сменились палящим северным солнцем, подул морской ветер, стала по-настоящему ощутима свобода, а ты просто глядишь вдаль на перекаты волн.

В музее Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН)

Голос одернул: «Пошли уже, что застыл, экскурсия вот-вот начнется!». Молча следуешь за толпой, но мысли совсем о другом: «А мог кто-то из заточенных здесь, представить себе, что уже через каких-то сто лет по тем же местам буду ходить я, настолько же свободный физически, как он был свободен духовно?..» Вечер. Чай. Компания друзей - приятная беседа.

День за днем ты погружаешься в Соловки, с каждым новым этапом, находя противоречия в себе, в том, что ты знал до этого и какое имел представление, споришь сам с собой, ищешь единственно верный для себя ответ. Отшельничество. С каждым новым днем не становится легче - тем для размышлений все больше, а времени насладиться красотами, впитать в себя как можно больше «Соловецкого духа», вдохнуть Северный воздух все меньше.

Обратная дорога. Смех. Тьма ночного поезда.

И вот прошло достаточно времени, ты снова увидел всех людей, с кем разделял эти впечатления на Соловках, в школе. Вы вспоминаете забавные случаи, интересные моменты поездки, но за всем ребячеством, за всеми улыбками и смехом у тебя спрятан рубец, оставленный Соловками, который так и не затянулся до конца, и в глубине души ты надеешься, что никогда и не затянется.

Соловки.

Иван Гридин, 11 «Г» 48 параллель

Жизнь природы. Соловки.

-Лось!!!

- Где, где, покажи! Ой, ну не вижу, там, да, где-то там?.. Ой, какой большой...

И, правда, стоит красавец. Издалека он кажется огромным, неподвижным камнем. А если присмотреться, то можно заметить, что этот лось очень стар, его шерсть местами облезла, внешне он чем-то похож на умирающего короля. Несмотря на близость аэропорта, лось не двигается, смотрит величественно, уверенно.

Это был не единственный лось, которого мы встретили. Сначала появлялись рога, совсем незаметные на фоне зелени. Эти рога тихо раскачивались, но с места не двигались. Когда кто-то из ребят показал в ту сторону, даже не верилось, что там, всего в 10 метрах от дороги, людей, стоит громадное животное.

Но когда лося увидели из окна гостиницы, я была в удивлении. Как может дикое животное, так доверять людям? Оказалось, может. И даже не доверять, а просто не обращать на них внимания, ведь лоси уяснили, что люди здесь им совершенно не опасны.

Эта поездка стала чем-то особенным для людей, которые редко бывают в деревне. На Соловках коровы свободно разгуливают рядом с монастырём, совершенно не боясь туристов, а, скорее, пугая их самих. Эти такие милые издалека, но опасные вблизи животные не проявляют к людям интереса, но, если человек подойдёт слишком близко, они будут готовы защищать друг друга и предупреждать громким, похожим на гудок мычанием.

Почти половину поездки я очень сильно боялась местных собак. Они были везде и казались действительно опасными. Бродячие, беспризорные, они вызывали во мне тихий ужас. Но после слов одного из экскурсоводов о том, что этих собак никто не обижает, а они так же относятся и к людям, я поняла, насколько трепетно и местные жители, и многие туристы берегут эту особенную атмосферу острова, и все мои опасения ушли.

Во время нашего двадцатикилометрового похода я впервые в жизни увидела в дикой природе росянку. Это растение довольно редкое, и до этой поездки мне казалось, что в дикой природе я его никогда не встречу. Но она действительно росла на болоте, совсем маленькая, ещё не способная показать, как она питается.

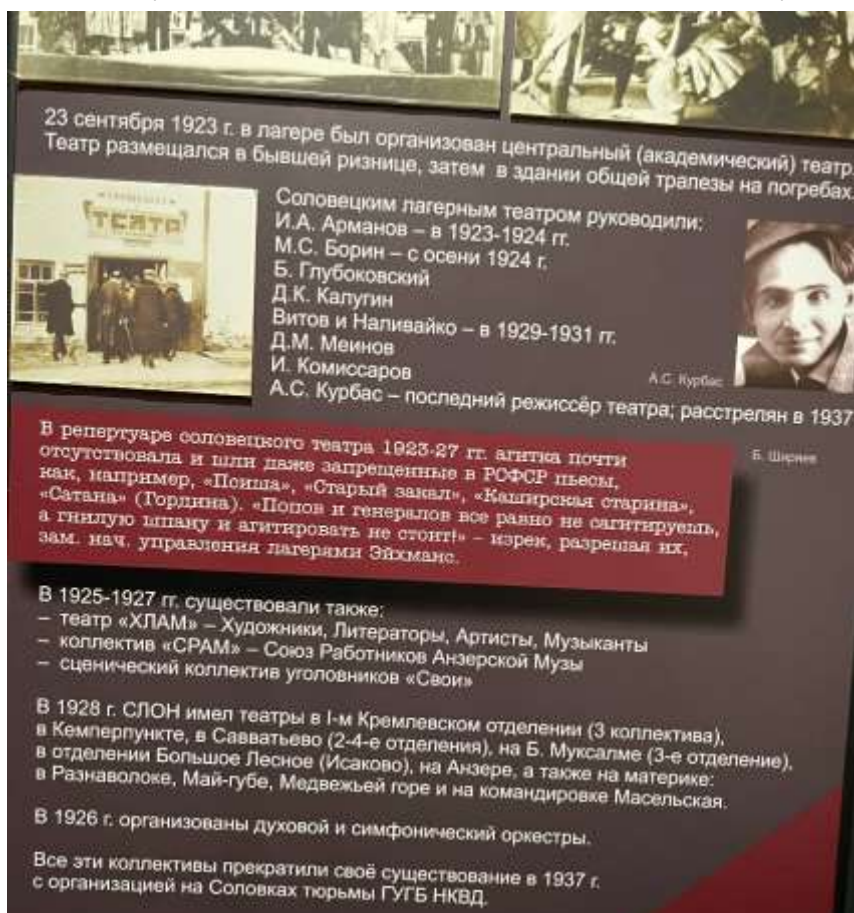
Соловки в Истории - это остров боли, страданий, криков и плача. Но по прошествии времени остров в моей памяти преобразуется и становится островом Жизни: как будто извиняясь за прошлое людей, Природа утверждает свои законы.

Наташа Жигарева, 11 «Г» 48 параллель

Остров

Соловки объединяют в себе все смыслы архетипа «остров» - они были и раем, и адом, и испытанием. Точнее, они испытывали человека и становились тем или иным, даже несмотря на внешние обстоятельства. Не все заключенные монастырской тюрьмы нашли там просветление. Не все узники лагеря потеряли там человеческое. То, какими предстанут Соловки, зависит от самого человека, от его мировоззрения и

Стенд о театре в Соловецком лагере особого назначения

мировосприятия. Сможет ли он представить райский сад среди аскетичности северной природы? Способен ли он в расхищенном монастыре увидеть Китеж-град?

Одно из самых ярких проявлений магии Соловков, а может и магии человеческого сознания, пробужденной

островом, - свобода, которую кто-то смог сохранить даже в лагере.

Например, в постановках местного ХЛАМА, в ежемесячном журнале "Соловецкие острова", в научной деятельности о. Павла Флоренского. Это была свобода, превозмогавшая страх, позволявшая помогать другим, даже находясь в не менее трудном положении.

Соловки сотканы из противоположностей - эта фраза банальна, но именно она наиболее полно отражает мое восприятие места. Особенно противоречивы здесь отношения

человека и природы. Ее пытаются обуздать, строя дамбы, но все же здесь она - единственная властительница, решающая за людей всё, даже дату похода к стоматологу. Но природа всегда принимает и одаривает тех, кто сильнее и шире страха перед могучей стихией. Тех, кто готов создавать. Эти вечные в своей спокойной неизменности леса и Белое море позволяли добывать пищу поморам.

Соловки стали источником богатства монастыря. Но Соловки же стали местом мучений и смертей тысяч, когда одни люди стремились взять у природы и других людей больше, чем те могли дать. Сейчас промыслы заброшены, а страшное сплетение красоты природы и ужасов истории привлекают сюда людей.

Одним из главных проявлений амбивалентности Соловков для меня стали коровы, которые пасутся прямо у стен монастыря. В этом есть какое-то приближение к истокам, возвращение к временам процветания монастыря. После всех ужасов и испытаний, которые перенес остров, находясь в общем потоке истории - Соловецкое сидение с последовавшими расправами, оборона в годы Крымской войны, и, конечно же, СПОН, - Соловки будто переместились в пространство вневременное, то, в котором в центре поселка спокойно разгуливают коровы и овцы. Воплощение острова - Соловецкие животные. Ухоженные, сытые, а поэтому дружелюбные собаки и кошки для меня символизируют покой этого места. Они будто бы живут в более доброй и человеческой версии нашего мира.

Сейчас Соловки, на мой взгляд, приблизились к воплощению рая. Но это стало возможным лишь благодаря людям, привлеченным необъяснимой магией этого места. Людям, которые приезжают сюда работать, потому что для них важно сохранить память. Людям, которые могут представить Китежград, но которым не страшно увидеть бараки для заключенных.

Ульяна Калинкина, 11 «Г» 48 параллель

Я вхожу на корабль...

Я вхожу на корабль. Корабль отходит от берега. Берег уходит вдаль. Вдали остаётся земля с земными делами и земными мыслями. Я на корабле, корабль в море, и нет смысла куда-то спешить, о чём-то беспокоиться. От нас здесь ничего не зависит. Теперь можно отпустить контроль, снять напряжение и просто наблюдать за ритмичным парадом волн.

И я отпускаю. Безбрежные водные просторы, холодный ветер в лицо - всё это ощущается как истинная свобода, полёт к чему-то ещё неизвестному, но манящему и невероятно притягательному. И тянет всё: тянет дальний берег, тянут волны - я смотрю и не могу оторваться... Сначала волны, идущие как заведенные, как бы гипнотизируют тебя, потом ты выходишь из транса, и начинаются мысли. Сперва от попытки осознать глубину этой морской бездны становится жутко, ведь смотришь на поверхность воды, которая на севере не такая радостная, как в Чёрном или Эгейском морях, в ней не играет лучами солнце, а лишь ветер вздымает волны, и она кажется бесконечной материей, чем-то невероятным между бархатом и шёлком. Но постепенно страх пропадает, и ты, оставаясь на борту, мысленно устремляешься в глубину. Бездна не только не даёт оторваться, но просит всё больше и больше внимания, всё продолжает тянуть к себе. Это поначалу пугающее мрачное море манит с невероятной силой.

Холодные волны вокруг, холодный ветер со всех сторон, холод будто проходит тебя насквозь, очищая душу. Чистота простора, на котором всё видно вокруг на километры, чистота духовная людей, основавших на этой северной широте монастырь, как чистота кристального льда, поэтому и море здесь Белое - чистое, как и всё остальное.

Холод заставляет прятать тело под многими слоями одежды, но душа в таких условиях оголяется и предстаёт. Не просто так на воде хочется петь. Мы пели, пели всё, что придет в голову, и в этих песнях слилось всё: и раскрытие души через пение, и сами эти песни времён, когда мы были детьми, чистыми и невинными, и некая параллель с поморами, которые на этой же воде сотни лет назад пели свои песни, чтоб не заскучать и не потерять ритм гребли.

Море обычно ассоциируется с курортом, теплом, отдыхом, во время которого забываешь обо всех заботах, но это море не такое... Ты смотришь в него и понимаешь, что это вечность, сами собой приходят размышления о жизни и смерти, я вспоминаю семью, рассказы бабушки о прошлом и фантазии о будущем. Вспоминаю дедушку, он умер почти 4 года назад, но у меня до сих пор чувство будто до меня это не дошло, я не осознала этот факт до конца, и сейчас смотря в гладкое небо, в бесконечные волны, мне кажется, я стала ещё на шаг ближе к этому осознанию.

По прибытии мы видим возвышающийся монастырь посреди почти что деревни, всюду по поселку бегают собаки, кошки и пасутся коровы. Городской житель редко может увидеть корову вживую, а так близко и совсем не боящуюся людей, это вообще сказка. На Соловках животные - полноправные самостоятельные жители, которые самостоятельно передвигаются по поселку, куда им вздумается, и совершенно не боятся ни людей (даже если подходит совсем незнакомый человек или группа), ни какого-либо транспорта. Природа и человек здесь едины.

А какой удивительный в этих местах растительный мир! Если вокруг монастыря и почти на всей территории Большого Соловецкого острова пейзажи напоминают привычные нам, то на меньших островах: Муксалмах, Заяцких - уже начинается лесотундра с удивительными полями из

Лабиринты на Заяцком острове

мха, деревья там не вырастают высокими, хоть генетически не являются карликовыми. Какая забавная форма у местного можжевельника: он как колючий кустик, да ещё на момент нашего прибытия на остров покрыт золотистой пылью, которую сдувает ветер, придавая образу растения сказочность и некоторую связь с феями.

Вся история людей на Соловках - это процесс покорения природы человеком. К здешним условиям приходилось постоянно приспосабливаться: когда сюда прибыли монахи, даже кресты они не врывали в землю из-за каменистости почвы, а ставили в специальных коробах, заполненных камнями. Стены монастыря построены из булыжников огромных размеров, и как их удавалось поднимать, не до конца понятно.

канал

Следующий этап покорения Соловецкой природы человеком - строительство озёрно-канальной системы. На островах, к счастью, была пресная вода, но, чтобы её можно было пить, она должна быть проточной, также каналы упрощали транспортировку грузов внутри острова. При игумене Филиппе было построено множество каналов, некоторые из которых удивляют своей длиной. Вся система была

построена людьми почти 500 лет назад, и всё работало и снабжало водой монастырь, и по сей день по каналам можно проплыть на лодке почти без труда.

Вершина всего - сооружение, которое называют восьмым чудом света, - Большая Соловецкая дамба, построенная монахами в XIX веке, полтора километра в длину! Постройка, которой невозможно не поразиться! Мы, школьники, выросшие в городах, сейчас еле можем дойти пешком до неё, а монахи 200 лет назад дошли, построили из тяжелых булыжных камней так, что по ней можно спокойно ходить, и за два века льды и течение не разрушили её.

Острова со всех сторон омываются Белым морем и обдуваются холодным ветром. Неудивительно, что именно это место было обжито монахами, холодный ветер очень отрезвляет, и когда он дует в тебя, проникая сквозь одежду, человеку нужны лишь минимальные удобства, о каких-то излишках в таких условиях думать не приходится, идеальное пространство, чтобы остаться наедине со своими мыслями и Богом.

Покидая Соловки, мы снова оказались в море. Море - действительно вечность, с него путешествие началось и им закончилось, так же, как и этот текст. Забавная параллель, что текст о Соловецких островах сам, как остров, окружён водой. И как ни прекрасна Соловецкая обитель, истинного Бога я чувствую на воде, у воды моей душе спокойнее и легче: в каюте теплохода, везущего нас в Кемь, мои одноклассники мирно спят друг у друга на плечах, а на палубе дружно поют.

Упомянув Соловки, обычно говорят про лагерь особого назначения или тяжёлую жизнь монахов на протяжении всей истории монастыря, но про это уже столько сказано, и всё так грустно, поэтому я обращаюсь к тому, что постоянно, неизменно и что пережило больше, чем все люди, побывавшие здесь, вместе взятые, - к природе Соловецкого архипелага. Это единение трёх стихий: воды, земли и воздуха, которые соединяются Богом и покоряются человеком.

Ульяна Киселёва, 11 «Д» 48 параллель

Где на Севере белые ночи,
Где охотится дикий карел,
Не достанут царёвы здесь очи,
Лишь закат на востоке белел.

Обнесённый стенами из камня,
Монастырь Соловецкий стоял,
И своими золотыми главами
На пороге людей он встречал.

Богатела с годами обитель,
И обозы в ворота текли,
Посмотри, о Великий Спаситель,
Какой град в твою честь возвели!

Но в религии крепнула схизма,
Патриарх перемен захотел.
По заветам отцов спели тризну,
Два перста нынче уж не у дел.

В Соловках не смирились монахи,
И принять отказались устав,
Но окончили жизни на плахе,
От царёвых стрельцов пострадав.

Шли года, позабылись те муки.
Монастырь понемногу хирел.
Но опять загребущие руки
Потянулись на землю карел.

Вдалеке забелели полотна,
Затрезвонил на башне звонарь.
Раньше жили монахи вольготно,
А теперь в их бойнице пицаль.

Англичане ломились упорно,
И засыпали крепость свинцом.
Но защитники здесь непреклонно
Устояли под адским огнём.

Интервенты ушли без победы
И пропали на семьдесят лет.
Позабывши на время про беды,
Вновь несли здесь монахи обет.

Наступила другая эпоха,
Телеграф, патефон, самолёт.
Но взглядишь, всё по-прежнему плохо:
Первый танк, газ-иприт, пулемёт.

Докатились до храмов те слухи,
Николай отречение изрёк,
И опять на великие муки
Иисус свою паству обрёк.

В окруженье кровавых событий,
Монастырь был тиши островком.
Но пришла власть Советов в обитель.
Честной крест заменён был серпом.

Где когда-то звонили к обедне,
Нынче серые роботы пестрят.
Где когда-то молились и пели,
Там расстрелы, и трупы лежат.

Коли раньше страдал ты за веру,
Пострадай ты теперь за идею.
Бога нет у нас, извергов в меру,
И ни слова сказать я не смею.

Завершились тридцатые годы,
Прекратилась репрессий пора.
И заляпанные кровию своды,
Отдала мореходам ВОХР-а

В мрачном месте, где жутко пытали,
Постигали учения юнги.
Стариками немногие стали.
Свои главы сложили под Ульмом.

*Позабавились в досталь здесь черти.
И опять изменилась страна.
Коммунизм уж не в моде, поверьте.
Идеалам толпа не верна.*

*Вместо толп арестантов забитых
Шут паломников орды идут.
На могилы те смотрят убитых,
А в руках сувениры несут.*

*Мне хотелось закончить сатирой,
Но сатира совсем не важна.
Пригублю-ка я правды в потире,
Хоть она никому не нужна.*

Даниил Меркулов, 11 «Г» 48 параллель

На Соловках...

Соловки - остров, жизнь которого отделена от материка, подобно плоду, отторженному чревом матери. На Соловках противоречия, полярность человеческого существования сконцентрированы и остро осознаются, в то время как на материке вся резкость притупляется и опресняется.

Противоречие на визуальном уровне проявилось для меня в том, что сложно соединить черно-белые кадры с помехами из фильма «Власть Соловецкая», где заключённые трудятся на фоне серо-белого неба, и увиденный нами пейзаж с синим небом, перистыми облаками, солнцем, отражением монастыря на глади озера.

Далее истории попадания людей на один и тот же остров Соловки весьма сложно соотносятся друг с другом. Исторически люди попадали сюда по воле Божьей, как монахи Зосима, Савватий и Герман, потом заключённые ссылались сюда же по воле «того, кто знает, как надо». А современные люди попадают на Соловки, как мне кажется, потому что любят - любят историю, культуру, человека.

Павел Александрович Флоренский 1882-1937, протоиерей, выдающийся ученый-энциклопедист и религиозный философ

монахов

Ощущение одиночества и трагедии отдельных личностей (например, Павла Флоренского) сосуществуют в исторической перспективе на Соловках рядом с плодами коллективного созидательного труда строителей

монастыря, озёрных каналов и дамбы. «Кто больше наказан: я или общество?»

В вихре человеческих поступков на этой земле чередуются строгая глубинная светлая добродетель и кровавое зверство, тихие глухие разговоры монахов в кельях и грубые, унижительные команды-ругательства, желание спасти ближнего своего молитвой и покорное исполнение приказа убить. Отсутствие смены дня и ночи (основной природной антитезы), замешивает весь ряд несоответствий в одну непрерывную полосу.

Переосмысление ценности собственной жизни и соприкосновение с горем человеческим делают Соловки пространством для русского человека, где он отходит от всякого скепсиса. Я искренне ощутила то, что люблю свою жизнь. На Соловках человек может сам прийти к простым истинам, которые будут ориентиром, самой крепкой опорой в жизни.

Мария Нестерская, 11 «Г» 48 параллель

Север. Место, где чувство одиночества усиливается тысячекратно.

Ржавые остовы автомобилей, детская кукла в окне деревянного дома и милая бабушка в огороде.

Умиротворение.

Можно было бы долго рассуждать о истории здешних мест и каждом памятном объекте, но мне важней и ценней в этой поездке оказался внутренний отклик на окружающие места. Путешествие для меня - это не столько конечная точка, приятная лёгкость от сброшенного рюкзака или фотография напротив приветственной таблички на въезде. В первую очередь оно о пути, дороге. На Север надо ехать в плацкарте. Нет, можно и в купе, но впечатления будут не те. Слегка покачиваешься в дребезжащем вагоне, травишь друзьям анекдоты. За окном центрально-русские пейзажи понемногу сменяются сосновыми лесами, болотами. На промежуточной остановке, выйдя на перрон, обнаруживаешь стройные ряды местных бабушек с корзинками наперевес. Как на параде выстроились они перед пассажирами, абсолютно одинаковые как по содержимому своих лукошек, так и по внешнему облику. Тут же стайками топчутся наиболее колоритные из моих попутчиков - вахтовики. Они чадят своими сигаретами и жадно вдыхают прохладный воздух. Проходишь мимо них, и тебе в ноздри ударяет тяжёлый запах спирта и ещё чего-то неуловимого, отдающего жаждой жизни и готовностью стоять за своё до конца.

Паром. В голову лезут странные ассоциации. Сто лет назад на похожих кораблях люди покидали Россию, в одночасье ставшую для них чужой. Покидали, чтобы никогда не вернуться. Мы тоже покинули свою Россию. Там, куда мы плывём, всё по-другому. Попав сюда, человек словно бы оказывается в месте без названия и географического

положения. Весь внешний мир будто отсекается от тебя. Остаёшься лишь ты, крикливые чайки и голые скалы Острова.

Само время здесь течёт иначе, более плавно и умиротворённо. Никто никуда не торопится, да и некуда здесь бежать. В главном и, по сути, единственном посёлке небольшие деревянные дома ещё прошлого века жмутся к вековым стенам древнего монастыря. Шли года, менялись правители, политические режимы. Монастырь оставался непоколебимым. И вот сейчас ты стоишь рядом с ним, невзрачный в своей повседневности. И ты уйдёшь, покроешься паутиной, а обитель останется стоять немым напоминанием о былом, великом.

Юг и Север - два диаметрально противоположных понятия, и не столько в буквальном смысле, сколько в их философских составляющих. За эту поездку я понял, что по всем параметрам Север мне гораздо ближе и понятней. Для меня он про духовность, одиночество и вечный поиск. Здесь будто всё вокруг говорит тебе: «Остановись на мгновение, насладись тем, что вокруг». Здесь такие же развалины, как и на юге, но тут они становятся естественней и приобретают загадочный и манящий облик. А в людях, на первый взгляд, точно таких же, как и везде, будто в разы больше осмысленности и глубины.

Если бы у этого места был свой аватар, то для меня это был бы монах-отшельник. В странной изодранной рясе, с седой бородой до пояса, опирающийся на суковатую палку, бредёт он по чащобе. Собирая лесные ягоды, тихо шепчет про себя молитвы.

Очень контрастным получился поход. За вечными размышлениями проскальзывают и те мелкие моменты, по которым потом и запоминается вся поездка. Гуляя по посёлку, случайно забрёл на аллею котов. Они там были везде: на заборах, на лавочках. Совсем не боялись человека, ты для них был гостем, а они полноправными хозяевами той улицы.

Долгие разговоры за полночь о дружбе, любви. Вдруг в глубокой ночи громкий стук в потолок сверху. Переглядываемся и дружно прыскаем со смеху в кулаки.

И как финальный аккорд поездки, в последний день, уйдя на побережье, сидеть на холодных камнях и слушать пронзительную «Песню о свободе» Шевчука. Песню как гимн души, олицетворение всего путешествия. Ехать обратно в «карантинной» секции вагона вместе с другими болеющими, пить обжигающий горло чай и болтать о том, когда человек больше всего себе нравится.

Напоследок хочу привести текст, который родился у меня в поездке. Сейчас он, наверное, не совсем к месту, но мне кажется важным привести что-то, появившееся не спустя несколько месяцев после долгих обдумываний, а написанное в моменте, когда всё воспринимается наиболее живо и полно.

«Небольшой участок на берегу озера. Хлипенький дом, словно бы присевший передохнуть. Крохотный огород без единого саженца, обнесённый со всех сторон колючей проволокой от неведомых воров. На участке стоит старый автобус без колёс. Голубая краска во многих местах уже облупилась, но всё ещё проглядывает сквозь слой ржавчины. Внутри - горы хлама, старая детская коляска и вдруг - одинокий бутон розы в графине на столе.

Окна из автобуса выходят на реку, и сразу представляются долгие вечерние разговоры при ярких точках сигарет. По одну сторону почему-то сидит длинноволосая девушка в растянутой майке, а по другую удобно устроилась для долгих разговоров пожилая женщина. Девушка с застывшим взглядом смотрит за горизонт, женщина поглаживает свои загрубевшие от работы руки, покрытые пигментными пятнами.

На столе лежит пепельница с ещё тлеющими окурками, рядом стоит стакан с остывшим чаем.

Надеюсь, скоро меня ждёт то же самое. Ну почти. Герои меняются, истории остаются теми же. *щелчок фотоаппарата*

Даниил Меркулов, 11 «Г» 48 параллель

Как серенькое облако по серому небу пробирался маленький тарак-тящий кораблик, собирая за собой ненужный ему хвост крикливых птиц. Посреди серого моря - белым оно было только на бумажке - кораблик казался ничтожным, но из-за

своего маленького размера и неземного места, где был сейчас, где постоянно обитал, становился то ли искателем, то ли беглецом. Или сталкером - тоже паломником по-своему, - возвращающимся зачем-то на зону раз за разом через очищение одиночеством и очищение красотой. Везёт на себе людей. Люди - разные. Сюда едут разные люди. В основном - работать, как оказалось.

Я не знал, почему ехал. Вероятно, из-за какой-то случайности, ошибки, совершенной кем-то впопыхах, не задумываясь. Или из-за того, что всё (и я тоже) действует по инерции, сюда же едет ещё много других людей, целая толпа без преувеличений. Или из-за какого-то закона, который я не знаю, но по которому все живут. Тогда в этом, наверное, есть смысл, но от правды всё равно далеко, с правдой в принципе сложно. Есть моменты, когда кажется, что правды вообще нет. Поэтому может быть, её вообще нет.

Но посреди моря, с только виднеющимися на горизонте землями, с туманом, с обжигающим ветром, я верил правде, я хотел верить правде, что бы там ни происходило вокруг. Лагерь из образа, собранного по кусочкам с чужих слов, приобретал совсем новый оттенок. Превращался в мираж, в цель

путешествия, в территорию тотального уединения, в территорию тотального разговора с собой, в территорию ухода. И я был абсолютно уверен, что он мне нужен, в голове крутились слова, слишком серьёзные, может быть: «Ты должен найти там душу того, кем являешься сам. Ты должен понять, кто ты. Ты должен, ты обязан оправдать этот остров».

Мечта об острове, который должен был подарить освобождение, обернулась тюрьмой, самой настоящей, потому что вместо острова надеющихся я получил остров проклятых. Я метался из стороны в сторону, как сумасшедший актер, потерявший ощущение реальности. Я был уверен, что был прав, но я уже не был уверен, что было правдиво то, что я видел перед собой. Я старался думать, я старался не спать. Чтобы вынести все удары надзирателя, чтобы подготовиться к каждой пытке, чтобы прятаться от собственной смерти, чтобы взять в руки газету так, чтобы писатель с мировым именем тебя пожалел, а затем публично оправдал твою гибель. Я старался нести своё уединение как послушание, переносить казнь как казнь египетскую, думать о смерти как о жизни. Чтобы не потерять, чтобы найти своё имя, выдолбленное на камне неуверенной слабой рукой где-то в районе четырнадцатого столба, где-то в районе утверждения истины. Чтобы привыкнуть к шуму дизельного мотора и сделать его просто фоном своей души. Чтобы отторгнуть те мнимости, которые мнимости жизни, а не мнимости геометрии. Чтобы искать даже тогда, когда искать уже нечего.

Но умирая, отдавая своё дыхание этому острову, я продолжал его оправдывать. Я думал, что, уйдя от всего мира, оставшись наедине с собой, попасть в концлагерь очень несложно. Замкнувшись в себе, на своём острове, куда ты таки доплыл, концлагерь сомнения, концлагерь мысли, концлагерь того самого одиночества начинает тебя съедать, а ты понимаешь, что в этом тоже путь, что в этом тоже духовный рост, что в этом закономерное развитие.

Это же вообще очень русская история, очень русское соединение ада и рая, которым тоже друг от друга один шаг. Плыл в рай, попал в ад, да в ад такой, что находится у стен небес. Здесь небо очень близко: нигде нет неба ближе, чем здесь. Такого плотного, однотонного, как тканью обволакивающего всё вокруг. И даже в аду карцера, даже в этом аду чувствуешь, что небо нависает над тобой, следит, разговаривает, становится ближе. Поэтому небо ближе к этому аду, чем к чему бы то ни было ещё.

Я же знал, что обо мне забудут. Я же знал, что никому нет дела до моих чувств. Я же знал, что умру безызвестно. Но ещё я знал, что найдется тот человек, который будет чувствовать то же, что и я. Что найдется какой-нибудь обычный, например, мальчик, из какого-нибудь большого города через сотню лет. Тоже будет искать свой остров, тоже будет искать такого одиночества, где можно было бы понять, что ты сам за человек такой, тоже будет искать жизни, толком не представляя её на вкус. Не дай Бог он найдёт такое одиночество, которое нашёл я. Не дай Бог он проживёт то же, что и я. Но он приедет сюда, он найдёт свой остров, который навсегда останется в нём. Он не будет мучиться, как я, он будет жить своей в общем-то беззаботной пустой жизнью, бегать тут на костях и крови моей. Но пусть так и будет, пусть он не помнит обо мне и моих страданиях, пусть он не помнит о времени и его кошмаре. Он же приехал к острову, а остров каждому что-то даёт, как зона, каждому что-то своё. И ему тоже что-нибудь даст, обязательно что-нибудь даст, обязательно даст жизнь, какую-то жизнь, какой-то её кусок.

Да и существовать по-другому как на границе ада и рая мы же не умеем, постоянно, часто одновременно переходим то туда, то обратно. Настолько, что не уверены, возможно ли по-другому вообще. Поэтому так и живём: ищем дружбы, любви, Бога, а причиняем боль; испытываем счастье и буквально ходим по костям; восхищаемся природой - в бывшем концлагере, цепляясь за непрочитанные книги, сочиняя бездарные тексты и занимаясь оправданием острова.

Иван Пуляев, 11 «Г» 48 параллель

Соловки. Природа. История. Люди.

Находясь в Москве, я не знала, чего ожидать от Соловков. Для меня тогда это был остров-миф: я слышала про сидение Соловецких монахов; про Соловецкий лагерь особого назначения; про удивительную природу этих островов. Но до сих пор все это не выстраивалось у меня в единую цельную картину, я не могла осознать, как один небольшой архипелаг может совмещать в себе столько всего. Сейчас же для меня Соловки - это синтез удивительной природы, богатой истории и, безусловно, людей. Людей всех времён. Мне кажется, Соловки - место переплетения судеб, остров-испытание.

I. Природа

В первый день, когда мы успели увидеть только монастырь, я уж было разочаровалась в природе Соловков: все, кто здесь бывал, говорили о невероятных видах, о красоте острова. Но сам посёлок Соловецкий мне больше напомнил мою дачу: какие-то лесочки средней полосы России, озёра с мутной водой, перекосившиеся деревянные домики. В общем, первое впечатление - разочарование. Но, на самом деле, природную красоту стоило искать, конечно, не в туристическом посёлке, а у моря: у Переговорного камня я, действительно, смогла уловить прелесть Соловецкой природы. Сложно это описать словами. Но синтез тёплого солнечного света, огромных валунов, по которым так удобно прыгать, смеха друзей, уютных качелей «малибу», запах морских водорослей покорила меня.

Очень самобытным в плане природы мне показался Большой Заяцкий остров. Он явил собой мои изначальные представления обо всех Соловках в целом. Истинно северный остров с карликовыми растениями, мхом, огромными валунами, прохладным волнующимся морем и деревянной уютной церковью русского севера.

У меня всего за неделю выстроилась цельная карта всего острова - опьяняющее ощущение. Я понимаю, что это место для меня в

какой-то мере стало маленьким домом, ведь дом для меня - то место, где ты всегда можешь найти незаметный уютный уголок. И здесь я смогла найти для себя эти безлюдные «места силы».

II. История

История Соловков очень многогранна, неоднозначна. По сути, «очевидцем» значительной части истории острова стала крепость монастыря. И поэтому меня очень расстроило то, что я увидела: из крепости по большому счёту сделали классический туристический аттракцион. Монастырь во многом утратил свой исконный вид. Мне, честно говоря, всегда очень грустно видеть, как «коверкают» изначальную суть, планировку крепостей. Ибо сейчас кроме стен, видимо, не осталось ничего первозданного в этом памятнике архитектуры. Даже мох на гигантских валунах стен, который так красиво цвёл, попытались очистить при реставрации.

В целом, было грустно наблюдать бездарные действия реставраторов, а зачастую и вовсе бездействие: многие памятники архитектуры просто стоят за «железными занавесами» и ждут своего часа. Ну, как я понимаю, тут дело в том, что это уже не памятники архитектуры, а самые настоящие памятники коррупции.

За эту неделю я очень много узнала об истории концлагерей. Это очень трагичная страница истории России, но тем не менее мне было очень интересно изучить быт и существование людей в СПОНе. Наиболее полно я смогла прочувствовать весь ужас жизни в этом месте на Секирной горе. Сложно представить, какой силой духа нужно было обладать, чтобы пережить пытки, смерти близких друзей или же просто соседей по нарам, полную отрезанность от мира. Меня поразили письма заключённых: такие нежные, добрые. Эти люди очень волновались за судьбу близких, всё, чего они желали, - чтобы родные их не забывали. Ну и, конечно, не могут не тронуть просьбы заключённых - просили прислать табак, тёплую одежду, продукты.

Бот в музее мореходства

Также меня поразил музей Северного мореходства. Невероятно видеть маленький мирок учёных, одержимых мечтой возродить древнее кораблестроение! Мне было очень интересно узнать о методах строительства поморских народов, о

их быте и традициях. Возможно, я и сама хотела бы когда-нибудь заняться настолько детальным изучением мореходства, технологий кораблестроения.

Ну и конечно, меня не мог не тронуть фильм Марии Голдовской «Власть Соловецкая». Интереснее всего был рассказ бывших узников СПОНа. Все они рассказывали очень по-разному. Олег Волков произвёл на меня впечатление академического старика-ученого, поэтому мне невероятно жаль было видеть, как он, рассказывая о мученической смерти «сектантов», попросил остановить съёмку и заплакал. Трохоров же показался мне очень волевым и сильным человеком, иначе как можно, шутя, не дрогнув, рассказывать о том, что он видел за годы заключения на Соловках. Ну и конечно, очень тронула меня песня, которую исполнял бывший узник лагеря, в его голосе чувствовалась такая боль, которую простыми словами передать просто невозможно - песня о потерянной жизни, юности... Это поколение несчастных, пуганых, но не сломленных мужчин и женщин. Жуткий фильм.

Для меня действительно непонятно, как относиться к «палачам». Жаль, что очень мало кто спрашивал у них после: что они чувствовали? Понимали ли они, что действия их ужасны, аморальны? Думаю, все эти люди были в очень разных ситуациях. Может быть, кто-то просто боялся и был вынужден занять пост

беспощадного надзирателя, может быть, кто-то действительно верил, что мучает и убивает каждый день врагов народа, которые могут помешать строить мир идеального будущего, где всем будет хорошо, всем будет тепло и сытно.

Вывод очевиден - любая идея, которая гласит, что есть правильный, истинный путь, гласит «как надо», опасна, страшна. И мысль всего фильма, как мне кажется, сводится к тому, что кровавые события двадцатого века должны послужить нам уроком.

III. Люди

Люди на Соловках совсем другие, чем в Москве, у них совершенно другой менталитет: наверное, они более открытые, отзывчивые. Поразил меня монах на Заяцком острове: добрый дедушка, готовый поделиться знаниями со всем и каждым, который хочет заставить думать разносторонне, научно. Вместе с тем очевидно было, что главная ценность для него - именно человеческая жизнь.

Но есть и обратная сторона этого менталитета: люди здесь живут мыслями о будущем, откладывают жизнь на потом, везде и всюду у них будто бы только планы. Однако радует, что если взрослые просто слепо верят, что скоро построят театр, скоро отреставрируют многие памятники архитектуры - жизнь станет лучше, радостнее, проще, то дети здесь берут всё в свои руки - учатся, стремятся получить хорошее образование, уехать в Петербург или Москву, у них есть мечта.

Сейчас Соловки живут (и я уверена, что будут жить!) благодаря сотням равнодушных людей, которые приезжают сюда каждый год: ведут экскурсии, занимаются изучением острова, реставрацией, реализуют свои замыслы. Я восхищаюсь людьми, которые бескорыстно вкладывают свою душу и время в любимое дело, влюбляются в эти далёкие и такие важные для культуры и истории России острова.

Таисия Снимщикова, 11 «Г» 48 параллель

Власть Соловецкая

Их путь на остров был очень долгим и совершенно безнадежным, а, когда заключенные пристали к берегу, сразу слышали: здесь власть не советская, здесь власть Соловецкая.

Но что такое «власть Соловецкая»? Дали понять почти сразу: это ужас, боль, страх. Многие догадались, что цель была одна: окончательно сломать волю. Превратить когда-то живых людей в их подобие, когда-то деятельных - в людей с потухшим взглядом. Не было доверия даже между соседельцами. Своя выгода становилась важнее, своя жизнь ценилась больше. Иногда не хватало мужества лишиться себя этой жизни для избавления от страданий, не хватало мужества повредить часть тела, чтобы не работать в невыносимых условиях. Личность терялась. Родственники могли предпочесть забыть о врагах народа, друзья и подавно. А те, кто поддерживал, могли и сами пострадать. Однако для оказавшихся в лагерях было важно, чтобы хоть кто-то о них помнил, память порою ценилась больше некоторых материальных благ.

Арестовывали многих студентов. Ещё совсем молодых, зелёных, не успевших обзавестись семьёй, не успевших понять, что такое жизнь. Не выдерживали - сходили с ума.

Секирная гора, Заяцкий остров, монастырь были местами необычайно чистыми, почти нетронутыми, христианскими. Их осквернили, превратили

Секирная гора

место спасения души в место её расчеловечивания. И как же тонка оказалась грань между цивилизованным человеком и животным.

Те, кого привозили на Соловки, имели имя, профессию, некоторые были специалистами в своём деле, а некоторые ещё не успели найти своё место и обозначить себя в истории. И те, и другие в итоге оказались свалены в одну общую могилу, где люди превращались в

сплошное месиво, стиралась личность. И о многих мы ничего и не узнаем, многие ушли совсем молодыми, не оставившими о себе никакого тайного знака, они не смогли стать теми, кем хотели. Мы можем читать лишь пустые, бездушные списки и предполагать, как бы сложилась судьба того или иного человека.

Те же, кто имел необычайно сильную волю, и кого было не сломить или кому повезло, и они смогли выбраться из Соловецкого ада, уже не могли жить как раньше. Их всегда преследовали призраки прошлого, их сознание неумолимо менялось, многие попросту не выдерживали окружающей их реальности после ужасов лагерей. Легче было забыться в алкоголе. Особенно когда вместе с ними по тем же улицам разгуливали убийцы, которые были надсмотрщиками или теми, кто проводил расстрелы. Но были и те, кто смог продолжить жить, кто находил свое призвание, жил дальше. Однако все из них до конца своей жизни хранили в памяти ужасы Соловецкой тюрьмы особого назначения.

Наташа Жигарева, 11 «Г» 48 параллель

с кочки на кочку, как шустрый русак,
скачет автобус-кузнечик,
качает, как люльку, его так и сяк,
а в люлке той мы – человечки.

яркая сальса под стук колеса,
«дворники» пляшут и машут,
руль повернется на все полюса,
взбивая траву с пылью в кашу.

тихо покрится в самом низу -
не стал подниматься на гору,
ему невдомек, что в лесу, наверху,
устроили дьявола нору.

ему невдомек, что всего век назад
из светлой и дивной обители
разверзся пылающий дышащий ад,
не знает он, что мы увидели.

как на Секирке голодные, тощие
жизни лишались напрасно:
в земле отсыревшей остались лишь мощи,
забыты давно, уж угасла

бледная память. бумаги и письма
лишились своих адресатов,
засыпаны кости, потеряны лица
убитых без вин арестантов...

мурлычет мотор, взмечается вдруг
память адского пира,
тихо ползет механический жук
по коре промерзлого мира.

Анна Тихомирова, 11 «Г» 48 параллель

